

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был богатый купец Степан Емельяныч. Много у ево было всяково богатства, дорогих товаров заморских, жемчуга, драгоценных камней, золотой и серебряной казны. Но само главное было у тово купца три дочери, все красавицы писанные. Любил он дочерей своих поболее всево сваво богатства по той причине, што был вдовец, и любить ему боле было неково. И вот собираеця купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, и говорить дочерям:

– Дочери мои милыя, хорошия и пригожия, еду я по своим купецким делам за тридевять земель и привезу вам оттудова такие гостинцы, каких вы пожелаете.

Старшая дочь Гордея поклонилася отцу в ноги, да и молвить:

– Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мене золотой и серебряной парчи, ни мехов чёрново соболя, ни жемчуга бурмицково, а привези ты мене плазменный телевизер диагональю 105 дюймов!

Призадумался отец, потом сказал:

– Хорошо, дочь моя милая, привезу тебе таковой телевизер. В полстены будет, работа станить немалая по доставке, ну да для моёй казны супротивново нет.

Поклонилася ему в ноги дочь середняя Любава и молвить:

– Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мене (см. предыдущий список), а привези новейшу компьютерну игру Тамагочу 2.0!

Отец обратно подумал и говорить:

– Хорошо, дочь моя милая, достану тебе Тамагочу 2.0. Задача посложнея будет, потому как она ишо мало йде продаёцца. Потяжеле така работа станить, ну да для моей казны супротивново нет.

Поклонилася в ноги отцу меньшая дочь Настенька:

– Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мене (см.), а привези цветочек аленький, краше которово нет на белом свете.

Призадумался Степан Емельяныч крепче прежнево, потом говорить:

– Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриных; коли знашь, што искать, то как не сыскать, а как найти то, чево сам не знашь? Аленький цветочек не хитро найти, да как же узнать, што краше ево нет на белом свете? Буду старацца, а на гостинце не взыщи.

Вот ездить честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продаёт свои товары втридорога, покупать чужие втридешева, налаживаить бартер, заключаиль договора, золотой казной корабли нагружаить да домой посылаить. Отыскал он заветныя гостинцы и для старшей дочери Гордеи, и для средней Любавы. Не может тока найти заветново гостинца для Настеньки – подходяшшево аленьково цветочка. Видел он в разных садах много всяких аленьких цветочков, да ништо ему ни поруки, ни справки не даёт, што краше тово цветка нет на белом свете.

И вот напали на ево караван разбойники бусурманские, и в чесном бою, отбиваяся, очутился Степан Емельяныч в сумрачном лесу, словно Данте, с которым энто случилось, када он житейский путь прошёл до половины. Стал он искать оттудова выход, но што за оказия: лес будто сам подсказыват дорогу: смотришь назад – руки не просунуть, смотришь направо – пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотришь налево – а и хуже тово. Пришла тёмна ночь, кругом хучь глаз выколи, но впереди стало загорацца кубыть как зарево. Перекрестился купец и пошёл туды. Чем дальше идёт, тем светлея становица, и стало светло, как на пожаре, тока не слышно ни гари, ни треску. И тут выходить он на поляну широку, а посередь той поляны стоить дом не дом, чертог не чертог, а дворец королевский, весь в камнях самоцветных горить и светить, а огня не видать – кубыть как все лампы светодиодныя. По сторонам бьют фонтаны воды большие и малые, все окошки во дворце растворены, и играить повсюду музыка – да не как в дешёвых лавках, а как в дорогих супермаркетах.

Входить Степан Емельяныч во дворец по лестнице, усланной кармазинным сукном, со перилами мраморными. Вошёл в горницу – нет никово, а и дальше убранство везде неслыханное и невиданное: вроде, ни золота, ни серебра, ни хрусталей восточных – а всё какое-то стильное типа модерн, а то и постмодерн. Никово не увидел ни во дворце, ни в прилегающем парке. Однакость приняли ево, как во всамделишном пятизвёздчатом отеле: и в бассейне искупался с водой подогретой и подсвеченной, и в сауне попарился, и пообедал по высшему классу из посуды фарфоровой – яства сахарные, вина заморские, питья медвяные. Встал из-за стола, а поклонница и сказать спасибо за хлеб-соль некому: вся обслуга автоматическая, типа роботы. Поспал на кровати резной из заморсково дерева морёново с пологом воздушным, пуховик из матерьяла мягково противоаллергийново.

Наутро попив чай «Пуэр», видит он в окна растворённые, што кругом дворца разведены сады диковинныя, плодовиыя и цветы цветуть красоты неписанной. Захотелся по тем садам прогуляцца. Сходить Степан Емельяныч по лестнице из мрамора и малахита медново прямо в зелены сады ботанические типа Никитсково или Сочинсково до их точечной застройки. Гуляить и любуется: на деревьях висять плоды спелые, румяные, сами в рот так и просяца, цветы распрекрасные, махровые, пахучие, всякими красками расписанные. На пруду уточкин домик, птицы снують

туды-сюды, песни поють райския, фонтаны бьютъ высокия, индо глядеть на их вышину – голова запрокидываеца, бегуть и шумять ключи родниковыя по колодам мраморным.

И вот вдругорядь видить честной купец: на пригорочке зелёном цветок красоты невиданной, што ни в сказке сказать, ни пером написать. Дух у ево занимаеца, подходит к цветку, – а запах от цветка по всему саду ровно струя бежить.

– Вот аленький цветочек, каково нет краше на белом свете, о коем просила мене дочь меньшая! – воскликнув таковы слова, подошёл Степан Емельяныч и сорвал аленький цветочек.

В ту же минуту, безо всяких туч, блеснула молния и ударил гром, индо земля зашаталася под ногами – и вырос, нешто из-под земли, зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудишше страшное и мохнатое да как заревёт голосом диким:

– Што ты наделал? Как посмел сорвать в моём саду цветок заповедный? Я хранил ево паче зеницы ока маво и всякий день утешался, на ево гляючи, а ты лишил мене всей утехи жизни! Я принял табя, как дорогово и званово гостя, накормил, напоил и спать уложил, а ты эдак-то заплатил за добро? Знай же свою участь горькую: заключу табя в клетку на веки вечныя, будешь сидеть там и смотреть программу «Раша йестеди», пока не помрёшь от скуки и омерзения!..

Упал Степан Емельяныч на колени перед тем чудишшем мохматым и во всём повинился – што есть у ево три дочери Гордея, Любава и Настенька, как достал подарки старшим, а увидев аленький цветочек, коево краше нет на белом свете, подумал, што такому хозяину богатому, славному и могучему не будет жалко цветка для меньшей дочери. Предложил свои активы за выкуп, но чудишше заявило:

– Не надоть мене твоих активов: мне своих девать некуды, а ишо криптовалюта имееца. Но есть одно для табя спасенье. Отпущу домой невредимово и забирай цветочек аленький, коли дашь мне слово чесно купецкое, што пришлѣшь заместо сабя одну из дочерей своих. Я обиды ей никакой не сделаю, а и буде она жить у мене в чести и приволье и ни в чём не буде нуждаца.

Честной купец убиваица и слезами обливаица, говорит голосом жалобным:

– Сударь ты мой зверь лесной! А и как быть, коли дочери мои по своей воле не захотят к табе ехать? Да и каким путём? Я-то добирался к табе не один месяц, а по каким местам, по каким путям, ужо и не ведаю.

Отвечать ему зверь лесной:

– Не хочу я невольницы, пусть приедить кака-нть дочь твоя сюда из любви к табе, своей волею и хотением. А коли нихто не захочитъ, то сам явися, велю табя в клетку засадить телевизер смотреть. И как добрацца ко мне – не твоя беда; дам я табе браслет волшебный с руки моей: хто наденитъ ево, очутица там, иде пожелат, во едино ока мгновенье. Сроку даю дома пробыть три дня и три ночи.

Тока Степан Емельяныч успел надеть браслет электронный на руку, как очутился в воротах сваво широково двора. (1) Тотчас же в те ворота въезжали ево караваны богатые и привезли они казны и товаров втрое противу прежнево.

Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, на коих вышивали серебром и золотом рушники шелковы; почали они отца целовать, миловать и ласковыми именами называть.

Вручат Степан Емельяныч дочерям подарки: Гордее – телевизор плазменный размером 105 дюймов, средней дочери – Тамагочу 2.0, котору достал всеми правдами и неправдами, а младшенькой – золочёный кувшин с цветочком аленьким. Старшие дочери от радости рехнулись, унесли свои гостинцы в терема высокие и там ими досыта потешались. Тока Настенька, увидав цветочек аленький, всплеснула руками и удивлялася:

– Папка, где ж ты ево достал, он же тока в сказках бывать?

Неча и говорить, што заутра, када купец рассказал дочерям всё, што с ним приключилося, одна младшая дочька согласилася избавить ево от неволи дошлой и поехать жити к зверю лесному:

– Благослови мене, батюшка родимый: поеду я к зверю лесному и стану там жити. Для мене достал ты аленький цветочек, стал быть мне и надо выручать табя.

Залился слезами Степан Емельяныч, обнял дочь и ея речами не утешаеца. Прибегают сестры старшие, подняли плач по всему дому, так стало им жалко Настеньку. А та и виду печальново не кажить, не плачить, не охайть и в дальний путь собираеца. И берёт с собою цветочек аленький во кувшине позолоченном.

Надела она на руку волшебный браслет – и в ту же минуту очутилася во дворце зверя лесново во палатах высоких, каменных, на кровати из заморсково дерева морёново, с пологом воздушным, пуховик из матерьяла мягково противоаллергийново, ровно она и с места не сходила, ровно она целый век тут жила, легла почивать да проснулася. Заиграла музыка согласная, какой отродясь она не слыхивала – опять же не попсова кака-нть, а качественна: романтический рок там, классика в современной оранжировке, аргентинское танго и пр.

Встала Настенька со постели и видить, што все ея пожитки и цветочек аленький в кувшине позолоченном тут же стоять, раскладены и расставлены на столах зелёных малахита медново, и што в той палате много скарба всяково модернистскаво, а то и постмодернистскаво. Ишо есть во што приодецца чудно и есть во што посмотрецца. И была одна стена вся по кирпич отделана, как в лофтах, друга стена под дерево морёное, третья стена – аквариум с рыбками и пузырьками воздушными, а четвёртая – монитор. И подумала она: «Должно быть, энто моя опочивальня».

Осмотрела она весь дворец, а потом взяла кувшин с цветочком аленьким, сошла в зелены сады, нашла то место высокое, пригорок муравчатый и хотела посадить цветок на место прежне, – но он сам вылетел из рук ея, прирос к сваму стеблю и расцвёл краше прежнево.

Далее извесно: общалася Настенька с чудищем посредством монитора, писал он регулярно што-то типа «Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и всё, што тебе пожелаеца, всё, што тебе на ум придёт, исполнять буду с охотою». Тут же вспало ей на мысль написать письмо семье дать им о сабе весточку. Не успела она о том подумать, как появилася пред ею «клава» с двойными буквоками и отстучала она батюшке родимому и сестрицам своим любезным: «Не плачьте обо

мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесново, как королевишна, самово не вижу и не слышу, а пишеть он ко мне на стене на мониторе. И знаить он всё, што у мене на мысли, и в ту же минуту всё исполнять, и не хочить называцца господином моим, а мене называить госпожой своей». Не успела Настенька письмо написать, как оно тут же пропало с глаз и появилась надпись: «письмо отправлено». После обеда – яства сахарные, питья медвяные, посуда фарфоровая – опочивать легла, причём музыка заиграла потише и подальше – по той причине, штоб ей спать не мешать.

После сна встала Настенька веселёшенька и обнаружила во дворце роскошну библиотеку на многих языках с мониторами – учи, читай вдосталь, чем она и стала занимацца в свободны от прогулок по садам зелёным часы. Особливо любила она читать «Сказки кота Васьки», «Сказки кота Базилио» и научно-фантастическую литературу. Так и стала жить да поживать девушка, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые, богатые, и убранства такие, што ни в сказке сказать, ни пером написать. Всякий день угощенья и веселья новыя, отменныя: гулянье и катанье с музыкой на самодвижущихся колесницах последних моделей по тёмным лесам, а те леса пред ей расступалися и дорогу давали широкую и гладкую – не в пример нашенским, от которых, как и от дураков, неизбывны страданья народныя.

Мало ли, много ли времени прошло: скоро сказка сказываеца, не скоро дело делаеца, – стала привыкать Настенька к своему житью-бытью. Ничему уже не дивуеца, ничево не пугаеца; служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катають, музыку включают и все ея повеления исполняют. И возлюбляла она сваво господина милостивово день ото дня, и видела, што недаром он зовёт ея госпожой своей и што любить он ея пуще самово сабя. И захотелося голос ево послушати, разговор живой с им повести, не ходя кажный раз к монитору настенному. Сказала ему:

– Не зови ты мене госпожой своей, давай просто дружить, бо мене таково общения не хватат.

Сперва Настенька уговорила ево не через монитор разговаривать, а напрямую. И услышала она, ровно хто вздохнул за беседкою, и раздался голос страшный, дикий и зычный, хриплый и сиплый, хучь говорил он ишо вполголоса. Вздогнула сначала девушка, красавица писаная, услышав голос зверя лесново, однакость со страхом своим совладала и виду, што испугалася, не показала, и скоро стала внимать словам ево ласковым и приветливым, речам разумным, и стало у ей на сердце радостно. С той поры пошли у их разговоры, почитай, целый день – во зелёном саду на гуляньях, во тёмных лесах на катаньях и во всех палатах высоких. Тока спрósить Настенька:

– Здесь ли ты, мой добрый господин?

Отвечает лесной зверь:

– Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб, неизменный друг.

И не пугаеца она ево голоса диково и страшново, и пойдуть у их речи ласковые, такие, што конца им нет. Но вот захотелося девушке увидеть своими глазами зверя лесново, и стала она ево о том просить и молить. Долго он не соглашаеца, напужать ея опасеца, был он кубыть как такое страшилище, што ни в

сказке сказать, ни пером написать. Ево не тока люди, звери дикие завсегда устрашались и в свои берлоги разбегались. И говорить зверь лесной таковы слова:

– Не проси, не моли ты мене, госпожа моя распреkrасная, красавица ненаглядная, штобы показал табе своё лицо противно, тело безобразно. К голосу моему попривыкла ты, мы живём с тобой в дружбе, согласи, почитай, не разлучаемся, и уважаешь ты мене за мою любовь к табе несказанную, но увидя мене, страшново и противново, возненавидишь несчастново, прогонишь с глаз долой, а в разлуке с тобою я умру с тоски.

Отмахнулася Настенька от таких речей и стала молить пушше прежнево, клясца, што никаково на свете страшилища не испугаица и што не потерять уважения к сваму господину милостивому.

– Ежели ты стар человек, –говорить она ему, – будь мне дедушка, ежели середович – будь мне дядюшка, ежели ж молод ты – будь названный брат, и поколь я жива – будь мне сердешный друг.

– Не могу я табе, Настенька, противица по той причине, што люблю табя пуше самово сабя. Исполню твоё желанье, хотя знаю, што погублю моё счастье и умру смертью безвременной. Приходи во зелёный сад в сумерки серые, када сядить за лес красно солнышко, и скажи: «Покажися мне, верный друг!» – и покажу я табе своё лицо противно, тело безобразно. А коли станить невоготу табе больше у мене оставаца, не хочу боле твоей неволи и муки вечной: ты найдёшь в опочивальне своей у сабя под подушкою мой браслет. Надень ево на руку – и очутишься у батюшки родимово и ничево об мене николи не услышишь.

Не убоялася девушка, не устрашилася, на сабя крепко понадеялася. Не мешкая ни минуточки, пошла она во зелёный сад дожидаяца часу урочново, и када пришли сумерки серые, опустилося за лес солнышко красное, проговорила она: «Покажися мене, мой верный друг!» – и показался ей издали зверь лесной: он прошёл тока поперёк дороги и пропал в частых кустах, и не взвидела света девушка, всплеснула руками белыми, вскрикнула и упала на дорогу без памяти. Да и страшен был тот зверь лесной: руки кривы, на руках ногти зверины, ноги лошадины, спереди-сзади горбы верблюжьи, весь мохнатый отверху донизу, изо рта торчат кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза совиные. Полежамши, опамятовалася Настенька, и слышит: плачить хто-то возле ея, горючими слезами обливаеца и говорить голосом жалостным:

– Погубила ты мене, моя красавица возлюбленная, не видать мне больше тваво лица распреkrасново, не захочешь ты мене даже слышати, и пришёл час мене умереть смертью безвременною.

И тут стало ей жалко и совесно, и совладала она со своим страхом великим и со своим сердцем робким девичьим, и сказала она голосом твёрдым:

– Нет, не бойся ничево, мой господин добрый и ласковый, не испугаюся я боле тваво вида страшново, не разлучуся я с тобой. Покажися мне вновь, я тока впервые испугалася.

Показался ей лесной зверь в своём виде противном, тока близко подойти к ей не осмелился, скока она ни звала ево. Гуляли они до ночи тёмной и вели беседы прежние, ласковые и разумные, и не чуяла боле никаково страха дочь купецкая. На

другой день увидела Настенька зверя лесново при свете солнышка красново, и скоро страх ея совсем прошёл. И пошли у их беседы пуще прежнево: день-деньской, почитай, не разлучалися, обедали и ужинали вместе, гуляли по зелёным садам, многия часы проводили в библиотеке электронной, допоздна там сидели, а ишо на самоходных телегах последних моделей каталися.

Скоро сказка сказываицца, не скоро дело делаецца. Вот однажды и привиделось во сне девушке, што батюшка нездоров, и напала на ея тоска неусыпная Стал чудишше спрашивать, отчево она во тоске, во слезах? Рассказала Настенька свой недобрый сон и попросила позволенья повидать батюшку родимово и сестриц любезных.

– И зачем табе моё позволение? Браслет у табя лежит, надень ево на руку и очутишься в дому родимом. А и тока скажу табе, Настенька: коли ты ровно чрез три дня и три ночи не воротишься, то не будет мене на белом свете, и умру я по той причине, што люблю табя больше, чем самово сабя, и жить без табя не могу.

Заверила она ево словами заветными и клятвами, што ровно за час до трёх дней и трёх ночей воротица во палаты ево высокие. Простилася с хозяином своим милостивым, надела на запястье браслет и очутилася на родном дворе. Прислуга и челядь дворовая подняли шум и крик, прибежали сестрицы и диву далися её наряду королевскому. Подхватили ея под руки белыя и повели к батюшке родимому, а тот нездоров лежить, день и ночь плачить, ея вспоминаючи. И вскинулся Степан Емельяныч от радости, увидавши дочь любимую, и дивился красоте ея девичьей и наряду королевскому.

Долго они миловалися, ласковыми речами утешалися. Рассказала она батюшке родимому и сестрам про своё житьё-бытьё у зверя лесново – всё от слова до слова, ни крохи не скрываючи. И утешился чесной купец её житью королевскому, и дивился, как энто она привыкла смотреть на сваво хозяина страшново и не боица. Сам он, об ём вспоминаючи, дрожкой дрожал. Гордее же и Любаве при известии о богатствах несметных меньшей сестры и про власть ея над своим господином, словно над рабом своим, индо завистно стало. День проходить, как единый час, другой день проходить, как минуточка, а на третий день стали они уговаривать меньшую сестру, штоб не ворочалась она к чудищу лесному. «Пусть-де околеить, туды ему и дорога...» И гневилася на сестёр Настенька, сказав им таковы слова:

– Ежели я моему господину доброму и ласковому за все ево милости и любовь горячу, несказанну заплачу ево смертью лютою, то не буду я стоять тово, штобы мене самой на белом свете жити, стоять мене тада отдать диким зверям на растерзанье!

И отец похвалил ея за такое проявление солидарности, редкое по нашим временам и почему-то православной церковью не поощряемое. А сётрам то в досаду запало, и задумали они дело хитрое и недоброе: взяли они да все часы в доме перевели на летнее время – целым часом назад поставили. И не ведал тово честной купец и вся ево челядь дворовая.

И, када пришёл настоящий час, стало у Настеньки сердце болеть и щемить, и смотреть она то и дело на часы отцовские аглицкие и немецкие, – а всё рано ей вроде пускацца в дальний путь. А сестры о том о сём ея спрашивают, зубы заговаривают. Однакость сердце девушки не вытерпело, простилася поспешно со

всеми и, не дожидаясь единой минутки до часа урочново, надела браслет на запястье и очутилася во дворце белокаменном, во палатах высоких зверя лесново. Подивилася, што он ея не встречат, позвала:

– Иде ж ты, мой добрый господин, мой верный друг? Што ж ты мене не встречаишь? Я воротилася раньше срока назначенново пошти на цельный час поране!

Ни ответа, ни привета не было, тишина стояла мёртва; в зелёных садах птицы не пели песни райские, не били фонтаны воды, не шумели ключи родниковые, и нийде музыка не играла. Дрогнуло сердечко у Настеньки, почувяла она нешто недоброе, обежала палаты высокие и сады зелёные, звала хозяина – не было ей ни ответа, ни привета. Побежала на пригорок муравчатый, где рос, красовался её любимый цветочек аленький, и видить: лесной зверь лежить на пригорке, обхватив лапами аленький цветочек. И показалось ей, што заснул он, ея дожидаючись, и спить таперь крепким сном. Начала ево будить – а он и не слышит. Принялася тормошить, схватила за лапу мохнатую – а чудище бездыханно и мертво лежить...

Помутились её очи ясные, подкосилися ноги резвые, пала Настенька на колени, обняла голову безобразну и закричала истошным голосом:

– Ты встань, пробудись, мой сердечный друг, я люблю табя, как жениха желанново!..

И тока энти слова она вымолвила, как заблестели молнии со всех сторон, затряслася земля от грома, ударила молния в пригорок муравчатый, и упала без памяти молодая дочь купецкая. Много ли, мало ли времени она так лежала – не ведаю. Тока, очнумшись, видить она сабя во дворцовой библиотеке сидючи, и обнимаить ея заботливо принц молодой, красавец писанный, в одежде от кутюр. А рядом столпилися отец с сестрами, а кругом свита великая, все специалисты информационново бизнеса. И обращаецца к ей молодой красавец:

– Полюбила ты мене, Настенька, краса моя ненаглядная, в образе чудишша безобразново за мою добрую душу и любовь к табе. Полюби же мене таперь в образе человеческом, будь невестой желанною. А зовуть мене на самом деле принц Интегрэй. Прогневил я злово волшебника Загребука с ево верной говорящей собакою Рекс Назором тем, што не тока создал кроссплатформенный мессенджер, позволяющий обменивацца сообщеньями и медиафайлами многих форматов, но и не отдал ключиков заветных псам ево свирепым со змеями заместо волос. Напустил Загребук на мене Рекс Назора с ево мерзкою ядовитою слюною. Слюна та оборотила мене в чудишше страшное, штобы жил я в виде безобразном, пока найдёца красна девица, которая полюбит мене в образе страшилишша и пожелат быти моёю женою законною, – и тада колдовство всё покончица, и стану я обратно человеком молодым и пригожим. Так и жил я страшилишшем и пугалом безо всякой надежды. И вот встретил табя, красавицу, которая полюбила мене, наверно, за нежность и преданность мою, за мою душу и любовь несказанну. Будь за то моёю женою, королевою в царстве информационных технологий!

Лишне сказать, што все окружающие сильно плевались по адресу злово волшебника Загребука, ставшево для всево чесново мира изгоем проклятушшим. Конечно, Степан Емельяныч незамедлительно дал своё благословенье Настеньке и ея вновь обрётённому жениху принцу Интегрэю – несказанно богатому обладателю

уже нескольких биткоинов в криптовалюте. И поздравили жениха с невестою сестры старшия и все слуги верныя, кавалеры и товариши по бизнесу, и нимало не медля принялися весёлым пирком да за свадебку. Стали оне жить-поживать да биткоины наживать. Уж я-то знаю: сам там бочком-бочком скраешку поучаствовал, пиво-мёд пил, по усам текло, да в рот не попало.

(1) Никакой мистики: либо имел место виртуальный контакт, либо обычная 0-транспортровка.